

НОВЫЕ ФАКТЫ В ИСТОРИИ ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ УДАРНЫМ ОРУЖИЕМ

Замена кремневого замка капсюльным* в ручном огнестрельном оружии – одно из кардинальных явлений в истории развития стрелкового вооружения. Оно повлекло за собой ряд важных новаций в военной технике, которые в конечном счете привели к созданию нарезных казнозарядных систем.

Вполне естественно, что этот процесс нашел широкое освещение в военной и специальной оружейведческой литературе. Вместе с тем ряд фактов, а главное выводы, изложенные авторами этих публикаций, на наш взгляд, нуждаются в существенном корректировании.

В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится значительное количество экспериментальных образцов оружия, представляющих безусловно чрезвычайный интерес для изучения истории оружейной техники. Из этого большого собрания выделена коллекция экспериментального оружия, созданного в переходный период от кремневого замка к ударному. На сегодняшний день она составляет 65 единиц. Основная часть образцов (43) поступила в музей во второй половине 80-х гг. XIX в. из Санкт-Петербургского арсенала¹, куда по приказанию генерал-фельдцейхмейстера передавались на хранение прошедшие испытания экспериментальные образцы ударного оружия². Позже, в течение 90-х гг. XIX – начала XX вв. единичные экземпляры поступали в музей из модельной комнаты и арсенала генерал-фельдцейхмейстера, из отдела стрелкового оружия Санкт-Петербургского артиллерийского склада, из Аничкова дворца и других мест, в частности из музеев военно-учебных заведений³.

При исследовании данной коллекции изучался большой комплекс материалов научного архива музея. Прежде всего оружейное отделение

* В нашей статье мы называем его ударным в соответствии с традиционным написанием в литературе XIX в.

Артиллерийского департамента и фонд Комитета об улучшении штуцеров и ружей, где сосредоточены распорядительные документы и журналы испытаний образцов ударного оружия.

Анализ собранной информации о происхождении и испытании каждого экспериментального образца позволил нам прийти к новым, отличным от установившихся в литературе выводам по ряду позиций.

Утверждение о том, что Россия позже всех европейских государств приняла на вооружение оружие с ударным замком из-за косности и бюрократизма государственного аппарата и военных чиновников, недооценивавших преимущество нового оружия, — по сути своей ошибочное. Нельзя согласиться и с заключением Вален. В. Мавродина, что «деятельность офицеров и мастеров-оружейников до учреждения комитета никем не направлялась»⁴.

Следует отметить, что до учреждения Комитета об улучшении штуцеров и ружей уже долгие годы, с 1808 г., существовал Военно-ученый комитет (далее ВУК) и его артиллерийское отделение, которое, кстати, и занималось усовершенствованием ручного огнестрельного оружия, и до 1832 г. руководило испытаниями. Именно ВУК издавал «Военный журнал», где с 1827 г. публиковались материалы об опытах над оружием с ударными замками в разных странах, в том числе и России.

В марте 1831 г. была учреждена первая комиссия под председательством генерал-адъютанта Сазонова для испытания опытных ружей с ударным замком⁵.

В России во главе всей экспериментальной деятельности в области вооружения стоял генерал-фельдцейхмейстер со своим штабом по управлению (ШГФ). Самодеятельность в изготовлении и испытании экспериментальных образцов исключалась. Существовал жесткий порядок. Изобретенное оружие в первую очередь представлялось в ШГФ и, если его высочество считал, что данный образец заслуживает внимания, он отдавал распоряжение директору ВУКа или председателю комитета о его испытании. На заводах, в частности на Сестрорецком оружейном, который был в это время экспериментальной базой, оружие изготавливалось по распоряжению Артиллерийского департамента, получавшего предварительное приказание из ШГФ. Иностранные конструкторы, как правило, обращались непосредственно к императору. Николай I передавал оружие и документы военному министру и тот, в свою очередь, «посылал на усмотрение» генерал-фельдцейхмейстеру. Но следует заметить, что Николай I очень пристально следил за испытанием новых образцов и контролировал его результаты. В январе 1832 г. последовало его высочайшее повеление артиллерийскому отделению ВУКа: «Заняться неукоснительно

надлежащими соображениями о приспособлении ударного состава ко всем родам артиллерийских орудий разного калибра и к ружьям войск, действующих рассыпным строем»⁶.

Испытания опытного оружия проводились очень тщательно, с предварительной разборкой каждого образца. Часто на испытываемое оружие вначале давалось заключение одного из ведущих специалистов, и только после положительной оценки оно допускалось до «малых» испытаний, обычно в гвардейских частях.

Относительно так называемого консерватизма военных – это утверждение, по меньшей мере, звучит несерьезно. Во главе оружейного дела в России в это время стояли такие известные деятели в области стрелкового вооружения, как генерал от артиллерии Иван Григорьевич Гогель – директор ВУКа, страстный поборник внедрения ударного замка в военное оружие. Это ему принадлежат слова: «Несчастливая старообычливость удерживает нас все в старой колее»⁷, сказанные в пылу полемики и которые были использованы как аргумент в защиту тезиса о несостоятельности военных. В ряду военных, стоящих у истоков разработки ударных замков, были инспектор оружейных заводов генерал-лейтенант Евстафий Евстафьевич Штаден, командующий Сестрорецким оружейным заводом генерал-майор Николай Алексеевич Аммосов, генерал-лейтенанты Александр Петрович Берхман и Илья Гаврилович Бибииков, председатель Комитета об улучшении штуцеров и ружей генерал от инфантерии, генерал-адъютант Матвей Евграфович Храповицкий, командиры гвардейских частей генералы Павел Петрович Мартынов, Сергей Павлович Шипов, Александр Федорович Моллер 1, Павел Сергеевич Берников, полковник Эдуард Андреевич Рамзай, список можно продолжить.

Все они не только руководили разработкой, изготовлением и испытанием образцов ударного оружия, но и принимали участие в его конструировании. Их не назовешь ретроградами. Конечно, были и противники нового оружия, но они не могли играть существенной роли. Так было всегда: «Старое боится нового и ругает настоящее».

Долгий и трудный путь России к перевооружению огромной армии ударным оружием можно объяснить глубокими социально-экономическими причинами.

Существует еще один вопрос, который требует уточнения: когда в России начались работы по внедрению ударного замка в военное оружие? В литературе первые попытки их изготовления относят к началу 30-х гг. XIX в.

Однако в коллекции экспериментального оружия ВИМАИВиВС хранятся несколько ружей с ударным замком, приспособленным к обычным

Замок конструкции Гогеля

Замок системы Бруте

пехотным ружьям. Одно с замком системы Бруте⁸, изготовленное на Сестрорецком заводе в 1821 г. (инв. № 3/310) и два ружья с замком конструкции генерал-лейтенанта Гогеля, сделанные на том же заводе в 1823 и 1825 гг. (инв. № 3/308 и 3/309). Механизмы этого замка детально описаны И.Г. Гогелем в его книге «Подробное наставление об изготовлении, употреблении и сбережении огнестрельного и белого солдатского оружия», изданной в 1825 г. Там же он подробно останавливается на преимуществах ударного

замка в военном оружии⁹. Следует отметить, что в упомянутой книге Гогеля автор называет имена только четырех европейских конструкторов ударных замков. А уже через два года в статьях в «Военном журнале» за 1827 г. он приводит более полутора десятка новых имен оружейников, изобретавших ударные замки. В его статье «Об ударных ружьях» многие механизмы получили подробное описание, с приложением чертежей¹⁰.

Это означает, что интерес к новому оружию в России обнаружился уже в 1820-е гг. Напомним и о существовании ранее известных ударных ружей — мастера Эгидия Коллета 1827 г. и казнозарядном ружье с ударным замком петербургского мастера И.А. Яхтмана.

Полагаем, что все изложенное дает нам основание отнести начало работ по внедрению ударных замков в военное оружие в России не к 30-м гг., как это было принято считать до настоящего времени, а к началу 1820-х гг.

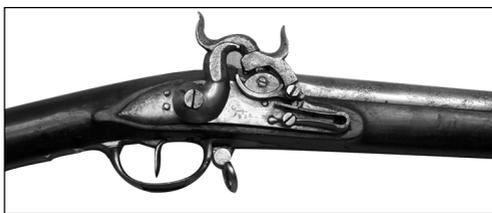
В первой половине 1830-х гг. на Сестрорецком оружейном заводе изготавливалось несколько вариантов ударных замков с капсюлями.

18 сентября 1830 г. И.Г. Гогель предложил одно солдатское кремневое ружье, переделанное им в ударное, которое успешно прошло испытание в октябре того же года в лейб-гвардии Семеновском полку¹¹. В феврале 1831 г. он уже усовершенствует свой замок — теперь так называемая наметка прикрывает колпачок и предохраняет его от потери и от непреднамеренного

выстрела¹². Это ружье вместе с ружьем обер-лейтенанта баварской службы Нидермайера проходило испытание в октябре 1831 г. в лейб-гвардии Семеновском полку. Ружье Гогеля было признано лучшим¹³.

В 1832 г. Иван Григорьевич предлагает еще один вариант пехотного ружья. Помимо ударного замка, у нового ружья мушка перемещена к дульному срезу и одновременно служит штыковым целиком. Этой мерой Гогель хотел избавить ствол от вторичного, всегда вредного для него, раскалывания. Для испытаний было представлено два ружья с ударным замком. Одно с мушкой, находящейся ниже дульного ложевого кольца, в «нормальном месте», и другое с мушкой у дульного среза. Испытания, происходившие в октябре 1832 г. в лейб-гвардии Финляндском полку, показали, что перемещение мушки к дульному срезу нецелесообразно. Трубка штыка мешает правильному прицеливанию¹⁴.

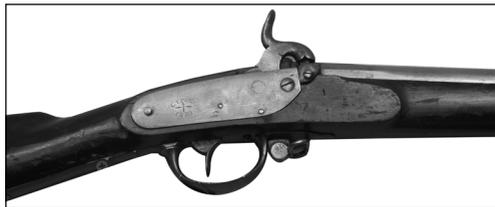
В музее имеется одно из этих ружей, в котором мушка находится ниже ложевого кольца (инв. № 3/329). Это ружье особенно ценно потому, что на нем помещен ударный замок конструкции Гогеля с наметкой. Это пока единственный известный экземпляр. Ни чертежей, ни других вещественных памятников не обнаружено.

Солдатское ружье Гогеля

В ноябре 1832 г. Комитету об улучшении штуцеров и ружей были представлены на рассмотрение четыре ружья с ударными замками различной конструкции, сделанные на Сестрорецком заводе старшим смотрителем К.И. Поппе. Два из них сразу же были забракованы членами комитета, а два других – под № 3 и № 4, как записано в журнале, «имея весьма простое устройство замков, особенно № 4, по единогласному мнению присутствующих, основанном на строгом рассмотрении и разборке их, признаются удобными к введению и одобряются»¹⁵. По решению комитета ружья должны были подвергнуться испытанию, но только после того, как мастер более тщательно отделает небрежно сделанные детали. Подробного описания оружия не сохранилось. По отчетам, то есть по журналам испытаний, проводимых в лейб-гвардии Финляндском полку, известно, что у одного ружья Поппе ударный замок имел наружную боевую пружину, а у другого ружья ствол был короче и с нарезками, курок замка располагался внутри замочной доски. Испытания выявили существенные недостатки обоих замков¹⁶.

В фондах музея имеется винтовальное ружье с ударным замком, курок которого расположен за замочной доской (инв. № 3/321). Изготовлено оно в 1832 г. на Сестрорецком заводе и по описанию очень напоминает

Винтовальное ружье с ударным замком

ружью К.И. Поппе № 4. Правда, подписи мастера на нем нет. А Карл Иванович, как правило, подписывал свои работы. Но учитывая, что это не первый вариант – на ложе ружья выбит «№ 15», а к малым испытаниям обычно изготовлялось несколько ружей одного образца, можно предположить, что данное ружье – конструкции К.И. Поппе. В качестве доказательства выдвинутой версии заметим, что согласно журналам комитета ни в 1832 г., ни в 1833 г. подобные ружья не испытывались.

Штуцер конструкции Поппе

В 1833 г. К.И. Поппе конструирует несколько образцов нарезного казнозарядного оружия с ударным замком. В коллекции ВИМАИВиВС имеется штуцер и карабин (инв. № 3/374 и 3/341 соответственно), а в Государственном Эрмитаже хранится такой же конструкции ружье (З.О. № 557). Атрибутировано оно как винтовка системы Н.И. Лебница¹⁷. Мы пытались найти информацию, подтверждающую это определение, но пока не обнаружили. Лебниц зарекомендовал себя как конструктор духовых ружей. Вместе с тем, автор атрибуции – известный историк, оружейвед Л. Тарасюк, и не доверять ему нет оснований. Образцы эти не испытывались ни в ВУКе, ни в комитете. Ружье поступило в Эрмитаж в 1885 г. из Царскосельского арсенала. Поступление оружия, хранящегося в ВИМАИВиВС, не выявлено. По всей вероятности, это произошло не ранее 20-х гг. XX в. Возможно, гарнитур, состоящий из ружья, карабина и штуцера, был заранее задуман К.И. Поппе как подарочный вариант, а возможно как «визитная карточка» мастера.

Вообще уже в эти годы Карл Иванович Поппе считался одним из лучших мастеров-конструкторов. В 1834 г., когда по распоряжению великого

ружью К.И. Поппе № 4. Правда, подписи мастера на нем нет. А Карл Иванович, как правило, подписывал свои работы. Но учитывая, что это не первый вариант – на ложе ружья выбит «№ 15», а к малым испытаниям обычно изготовлялось несколько ружей

В 1833 г. К.И. Поппе конструирует несколько образцов нарезного казнозарядного оружия с ударным замком. В коллекции ВИМАИВиВС имеется штуцер и карабин (инв. № 3/374 и 3/341 соответственно), а в Государственном Эрмитаже хранится такой же конструкции ружье (З.О. № 557). Атрибути-

князя Михаила Павловича нужно было изготовить ружье с ударным замком системы венского оружейника Цейлейра по описанию и рисунку, председатель комитета генерал-адъютант Храповицкий поручил эту работу Поппе¹⁸. К.И. Поппе много работал и в последующие годы, особенно успешно в 1840-е гг.

Параллельно с перечисленными системами в первой половине 1830-х гг. испытывались ружья конструкции Лефоше, Робера, Грека, Бертрана, Велле, Шаруа, Вернера, Брюнера и других оружейников.

В начале 1830-х гг., помимо создания замков для переделки кремневых ружей в ударные, проектировались различные варианты новых образцов оружия с ударным замком. В первую очередь это касалось штуцеров. Попытки улучшить конструкцию штуцера, принятого на вооружение лейб-гвардии Финского батальона в 1827 г., начались еще в 1829 г. Инициатором был командир батальона флигель-адъютант полковник Э.А. Рамзай. На протяжении почти трех лет он предложил несколько вариантов улучшенной конструкции штуцера, правда с кремневым замком¹⁹. В 1832 г. полковник Рамзай представил императору три новых образца оружия с ударным замком, сделанных в мастерских лейб-гвардии Финского батальона и там же испытанных. Это дульнозарядный штуцер с каморой в стволе под № 1, такой же штуцер, но заряжающийся с казенной части, под № 2 и карабин под № 3. Все это оружие конструкции Эдуарда Андреевича Рамзая прошло многомесячные испытания и было представлено на рассмотрение комитета, который 11 октября 1832 г. единогласно признал конструкцию штуцера № 1 и карабина № 3 самой лучшей и рекомендовал принять их на вооружение для лейб-гвардии Финского батальона. Что же касается штуцера № 2 с зарядной каморой, то из-за сложности изготовления и применения комитет воздержался рекомендовать его на вооружение²⁰.

Журнал комитета вместе с оружием был передан генерал-фельдцейхмейстеру. Великий князь Михаил Павлович, через военного министра, препроводил их на «высочайшее благоусмотрение». 25 февраля 1833 г. император Николай I, рассмотрев журнал и представленное оружие, «высочайше повелеть соизволил»: штуцер № 1 считать утвержденным для всех стрелковых батальонов, штуцер № 2, несмотря на сложность конструкции, приказал изготовить на одну стрелковую роту для больших (войсковых) испытаний. Карабин № 3 был отклонен²¹.

Итак, впервые оружие с ударным замком было принято на вооружение русской армии 25 февраля 1833 г. Это был штуцер для стрелковых батальонов. До настоящего времени считалось, что впервые оружие с ударным замком – Литтихский штуцер – поступило на вооружение стрелковых батальонов русской армии в 1843 г.

24 февраля 1834 г. образцовые штуцеры были переданы в Санкт-Петербургский арсенал с соответствующими ярлыками и печатью Артиллерийского департамента.

Основные характеристики штуцера образца 1833 г. (по документу от 14 октября 1833 г.)

Калибр – 6 лин

Толщина стен: у вылета – $1\frac{3}{8}$ лин; в казне – $2\frac{1}{8}$ лин

Длина ствола без каморы – 2 фут 3 дм 8 лин

Длина каморы без хвоста – $9\frac{1}{4}$ лин

Длина винтов каморы – $9\frac{1}{2}$ лин

Нарезка внутри ствола – 8 винтов, $\frac{5}{8}$ оборотов

Диаметр винтов каморы – $8\frac{1}{8}$ лин

Расстояние пистона от заднего конца каморы – 6 лин

Вес ствола с каморой и пистоном – 4 фун 94 зол

Длина штыка – 1 фут 10 дм 1 лин

Длина штыковой трубки – 2 дм $7\frac{1}{2}$ лин

Толщина стен штыковой трубки – $\frac{7}{8}$ лин

Вес штыка – 1 фун 5 зол

Длина шомпола с медной головкой – 2 фут 4 дм 3 лин

Диаметр шомпола: в толстом конце – $5\frac{1}{2}$ лин; в тонком конце – $2\frac{3}{4}$ лин

Вес шомпола – 64 зол

Вес замка с привертными винтами – 61 зол

Вес ореховой ложи с медным прибором и принадлежащими железными вещами – 3 фун $66\frac{1}{2}$ зол

Вес всего штуцера – 11 фун $2\frac{1}{2}$ зол²²

В экспериментальной коллекции музея имеются штуцеры № 1 и № 2 (инв. № 3/347 и 3/373 соответственно). На прикладах обоих штуцеров помещен герб Великого княжества Финляндского.

Штуцер № 2 Рамзая

Штуцер № 1 Рамзая

С принятием на вооружение штуцера образца 1833 г. работы по усовершенствованию конструкции ударных замков продолжались до конца 1840-х гг.

-
- ¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 6.
² Там же. Ф. 3. Оп. 5/1. Д. 80. Л. 107; Оп. 5/9. Д. 103. Л. 5; Д. 150. Л. 17–17об., 29–29об.; Ф. 14. Оп. 42. Д. 13. Л. 141–142.
³ Там же. Ф. 22. Оп. 111. Д. 6, 8.
⁴ Мавродин Вален. В. Испытание новых образцов стрелкового оружия в Лейб-гвардии Финском стрелковом батальоне и Финляндском полку во 2-й четверти XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1977. С. 120.
⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 694. Л. 1.
⁶ Там же. Л. 22.
⁷ Военный журнал. 1830. № 5. С. 72.
⁸ Lugs. J. Hand-feuerwaffen. В. II. Berlin, 1970. S. 64.
⁹ Гогель И.Г. Подробное наставление об изготовлении, употреблении и сбережении огнестрельного и белого солдатского оружия. СПб., 1825. С. 487–495.
¹⁰ Военный журнал. 1827. № 4. С. 112–125.
¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 694. Л. 1–3.
¹² Там же. Л. 14–14об.
¹³ Там же. Д. 693. Л. 64–64об.
¹⁴ Там же. Д. 694. Л. 22–23об., 28–29.
¹⁵ Там же. Д. 5. Л. 7об.–8. Журнал Комитета от 30 декабря 1832 г.
¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 60–65.
¹⁷ Тарасюк Л. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Л., 1971. С. 190.
¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 6/1. Д. 985. Л. 1–3об.; Ф. 14. Оп. 42. Д. 696. Л. 4–5, 29.
¹⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 5/1. Д. 63. Л. 1–28.
²⁰ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 693. Л. 129–138.
²¹ Там же. Ф. 3. Оп. 5/1. Д. 80. Л. 1.
²² Там же. Л. 136–136об.